

Александр Луньков
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт философии и права УрО РАН
istorik1981@mail.ru

Alexander Lun'kov
Ural Federal University
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
istorik1981@mail.ru

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЭТОС РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.: ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

THE ORTHODOX ETHOS OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878: TOPOLOGICAL AND DISCURSIVE ANALYSIS

В статье проводится анализ православного этоса Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Речь идет не только об оправдании участия в войне, но и создании универсальной риторической практики по объяснению, как глобальных военных событий, так и собственного личностного выбора на войне. Основными акторами создания этого этоса были военные журналисты. Топос, как угол зрения для производства доводов, является «общим местом», отправной точкой рассуждений, для всех субъектов взаимодействия в рамках информационного пространства войны. Наполнением топоса был тот или иной дискурс — устный или письменный текст, в котором разворачивается смысл высказывания.

Ключевые слова: Православный этос войны, Русско-турецкая война 1877–1878, топос, дискурс, военная журналистика.

The article analyzes the Orthodox ethos of the Russian-Turkish war of 1877–1878. It is not only about justifying participation in the war, but also about the creation of a universal rhetorical practice to explain both global military events and one's own personal choice in war. Military journalists were the main actors in the creation of this ethos. Topos, as an angle of view for the production of arguments, is a “commonplace”, the starting point of reasoning, for all subjects of interaction within the information space of war. The filling of the topos was one or another discourse — an oral or written text in which the meaning of the statement unfolds.

Key words: Orthodox Ethos of War, Russian-Turkish War 1877–1878, Topos, Discourse, Military Journalism.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была одним из первых военных конфликтов, информационное пространство которого формировалось с использованием военных медиа. Основными акторами этой деятельности были военные журналисты, которые через тексты различного происхождения (статьи в периодической печати, «боевые листки», послевоенные публикации воспоминаний и т. д.) транслировали в общественное сознание своей аудитории определенный этический топос и дискурс этой войны. Речь идет не только об оправдании участия в войне, но и создании универсальной (для данной аудитории) риторической практики по объяснению, как глобальных военных событий, так и собственного личностного выбора на войне. Топос, как угол зрения для формулирования доводов и аргументов, является «общим местом», отправной точкой рассуждений, для всех субъектов взаимодействия в рамках информационного пространства войны. При этом топос не меняется вслед за деформацией информационного пространства (и здесь уместна прямая аналогия с геометрической топологией), а также после изменения состава субъектов. Наполнением топоса на практике был тот или иной дискурс как устный или письменный текст, в котором для соответствующей аудитории разворачивается конкретный контент или информационный посыл. В этом плане актуальным является изучение деятельности русских военных журналистов по созданию общего для различных социальных групп российского общества этоса данной войны. Согласно нашей гипотезе топосом в этом случае были элементы православной религии, как единственные для России того периода общепонятные информационные единицы, а дискурс реализовывал это содержание в различных формах — статьи патриотического содержания, описание подвигов героев войны, анекдоты о войне, произведения для детей и т. д.

1. Топология информационного пространства войны

Методологию данного исследования можно обозначить как сочетание топологического подхода к исследованию информационного пространства общества в период войны и дискурс-анализа содержания информации, транслируемой средствами военной журналистики на общественное сознание. В математическом смысле топология занимается свойствами пространства, которые остаются неизменными при его деформации. В данном контексте нас будет интересовать структура информационного пространства войны 1877–1878 гг. Анализ подобной структуры предполагает учет иерархии элементов и каналов связи между ними. Методологическая сложность здесь заключается в том, что эти элементы и связи уже не существуют в реальности и их реконструкция возможна только в виде более или менее абстрактной модели на основе сохранившегося контента. Для русской военной журналистики Русско-

турецкой войны характерны два вида информационных источников — статьи и заметки, опубликованные в официальной периодической печати в ходе самой войны, а также мемуары и сборники статей о войне, отредактированные и изданные уже после окончания конфликта.

Согласно нашей гипотезе основными элементами информационного пространства войны 1877–1878 гг. были конкретные военные журналисты, находящиеся непосредственно в войсках (в большем или меньшем отдалении от реального поля боя), периодические печатные издания, с которыми эти журналисты сотрудничали и штаб русской армии в лице цензоров и «информационных офицеров», специально назначенных для общения с журналистами. Безусловно, здесь стоит упомянуть и личных информаторов журналистов в военной среде, но зачастую установить их личность и роль в формировании информационного содержания не представляется возможным — по понятным причинам военные журналисты не упоминают их по именам.

Иерархия элементов в структуре информационного пространства выстраивается по степени информированности субъекта или группы людей о реальном положении дел на войне и по интенсивности трансляции ими этой информации в общественное сознание по различным каналам. То есть хорошо информированный человек может практически не принимать участия в наполнении информационного пространства, и, наоборот, персона, обладающая неверной или искаженной информацией о происходящем может активно транслировать «фейковые новости» по каналам военной журналистики. При этом масштабы влияния таких информаторов в условиях войны многократно возрастают из-за постоянного «информационного голода» общества, благодаря чему самые невероятные новости и слухи распространяются с огромной скоростью.

Вопрос об определении понятия «топос» до сих пор остается не до конца решенным, несмотря на то, что первые идеи по этому поводу появились еще в античности в трудах Протагора и Аристотеля. Для нашего исследования будет использоваться понимание топоса как «угла зрения для производства доводов... как полезный или необходимый способ развертывания мысли и, соответственно, текста» (Хазагерев 2008: 7). Относительно конкретного коммуникативного повода, в данном случае по поводу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., все стратегии аргументации с использованием логической связки «потому что...» в странах с ярко выраженной религиозной культурой испытывают большое влияние вероисповедания. «Мы вступили в войну с Турцией, потому что она угнетала наших православных братьев-славян» — ярко выраженный пример подобной стратегии аргументации. Однако содержание православного топоса данной войны не исчерпывается указанием на религиозное основание справедливости войны. Топос как готовый стандарт для производства доводов человеком для самого себя действует как инструмент осмысления собственного поведения на войне: «я поступил так,

а не иначе, потому что я православный солдат /офицер/ человек...». Естественно, что сейчас мы можем только реконструировать подобные «внутрисубъектные» стратегии аргументации на основе письменных источников личного характера. В данном исследовании мы предполагаем проанализировать основные проявления православного топоса войны на примере деятельности военных журналистов. Универсальный характер топосов позволяет применять их при создании устного и письменного текста в любом стиле и жанре в качестве опорного материала, каркаса для развертывания авторского замысла. По-сути топосы представляют собой структурно-смысловые модели, на основании которых создается высказывание трех модальностей: «почему я так сделал», «почему он так сделал» и «почему все получилось так, а не иначе».

Среди русских военных журналистов следует выделить две фигуры, которые олицетворяли собой разные роли и способы формирования информационного пространства войны. Во-первых, это Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895), в период войны поручик Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, прикомандированный к штабу армии в качестве журналиста. Еще до войны он занимался литературной деятельностью и опубликовал несколько произведений. Ему также принадлежит целый ряд послевоенных изданий, опубликованных на основе его газетных статей и воспоминаний. Во-вторых, это Василий Иванович Немирович-Данченко (1845–1936) — брат известного русского театрального деятеля. Он принимал непосредственное участие в боевых действиях и был награжден знаком отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. Две эти названные фигуры выполняют функцию трансляторов информации как собственной, так и полученной из источников разного уровня — армейского штаба и «поля битвы». Тем самым на их примере можно проиллюстрировать функционирование всего механизма трансляции смыслов, связанных с православным этосом войны, в информационное пространство.

Функцию фильтрации информационных потоков выполняли военные цензоры, которые занимались перлюстрацией частной корреспонденции из зоны военных действий, предварительным просмотром журналистских материалов перед их отправкой в редакцию и т. д. Тем самым самостоятельного контента они не производили, но оказывали серьезное влияние на содержание информации, предоставляемой общественному сознанию и армии. В своей деятельности они руководствовались принципами, сформулированными полковником М. А. Газенкампом, которому было поручено формирование корреспондентского корпуса, для военных журналистов: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий; б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны; в) о каждой перемене своего местопо-

бывания доносить записками в штаб армии; г) иметь на левом рукаве особый наружный знак, а при себе — фотографию с печатью и удостоверением личности (Кочуков 2011: 66). Как показала практика, подобные ограничения не сильно стесняли военных корреспондентов. Более серьезные ограничения на их деятельность накладывали морально-этические нормы, которым они следовали.

Структура этического топоса данной войны претерпевала трансформации дважды. Первая структура начала формироваться незадолго до начала войны благодаря широкому мировому общественному резонансу, который получили события 1876 года, когда Турция крайне жестоко подавила болгарское восстание за независимость. Для России «болгарский вопрос», безусловно, был актуален и до этого, но все, по большей части, сводилось к увлечению ряда славянофилов идеями помощи братьям-славянам, страдающим под игом иноверцев. Подробности же подавления восстания 1876 впервые сформировали информационную повестку, которая была интересна для широких слоев русского общества. Когда в Молдавии началась концентрация Дунайской армии, начал формироваться и этический топос будущей войны. Ответ на вопрос «что мы здесь делаем?» был крайне актуален для солдат и офицеров. Структуру этого топоса определял то обстоятельство, что солдаты и офицера за редким исключением не располагали реальной информацией о событиях в области расселения болгар. Складывается впечатление, что армия на всех уровнях слышала только то, что была готова услышать — о зверствах турок в отношении болгар. Право болгар на независимость было неоспоримым не с точки зрения права народа на самоопределение, а с точки зрения религиозной — православный народ не может находиться под властью иноверцев, тем более турок-мусульман. Поэтому задача освобождения единоверцев из-под турецкого ига силой оружия является глубоко этической. Этот главный элемент этического топоса русской армии уже существовал практически в готовом виде как концепция «христолюбивого воинства», которая начала формироваться в годы Крымской войны (1853–1856). Эта война стала одним из пиков общественного, философского и богословского внимания к проблеме войны и православной армии. Благодаря этому в России стало активно развиваться нравственное богословие, которое в теме войны нашло богатую почву для размышлений.

Основные элементы концепции «христолюбивого воинства» быстро сформировались в следующую триаду: верность православному государю, обращение к исторической памяти и нетерпимость к противникам истинной веры. При этом, для большей широты охвата данная концепция транслировалась через публичные выступления и проповеди в армейской и гражданской среде в период Крымской войны. Не случайно создателями этой концепции считаются духовные лица, которые ее проповедовали. Для примера кратко рассмотрим деятельность святителя

Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Большинство выступлений Иннокентия перед верующими строились по единой логике. Вначале он отдает должное государю и подчеркивает прямую связь его власти с Божественной волей и высокую роль Русской Православной Церкви. В качестве примера можем привести следующую цитату: «Прежде всего возблагодарим Монарха нашего за то, что он, среди обошедших царства и народы злоклучений, возлагает упование свое не на могущество земное, как им ни ущедрена свыше Россия, а на Бога Всемогущего и Всеблагого» (*Сочинения Иннокентия* 1908: 292). Обращение к истории имеет как локальный характер («Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего...») (*Сочинения Иннокентия* 1908: 292)), так и глобальный. Иннокентий ключевую роль России для всего мира, которую она сыграет в будущем: «Не Россия ли, если даст Господь, послужит и в будущем к обузданию адского духа безначалия, от коего мнутся теперь царства и народы?» (*Сочинения Иннокентия* 1908: 295). Третий элемент концепции «христолюбивого воинства» — его нетерпимость к противникам истинной веры — прослеживается в следующей цитате: «Поспешите, возлюбленные, прославиться — славой чистой и святой, употребив все силы и средства, все искусство и умение ваше на содействие и помощь христолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всех концов России на защиту страны вашей, в порыве святой ревности, ожидает как праздника того дня и часа, когда можно будет, не щадя своей крови и живота — за Царя и Отечество — ринуться победоносно на толпы богопротивных иноплеменников» (*Сочинения Иннокентия* 1908: 335). Точно такую же форму имел этический топос русской армии незадолго до начала войны 1877–1878 гг. Важную роль в его формировании играли уже не столько проповеди священнослужителей, а средства периодической печати и, соответственно, военные журналисты. Однако этот топос был наполнен иным дискурсивным содержанием, о чем подробнее ниже.

Первую трансформацию этический топос претерпел после начала боевых действий на территории Турции. Довоенное информационное пространство было деформировано столкновением с реальностью войны и даже в большей степени столкновением с информационным пространством самой территории Турции. Речь идет о столкновении двух векторов ожиданий — ожиданий русских солдат и офицеров относительно реакции болгар на начало войны и ожиданий самих болгар, которые ждали «своего царства» и желательно прямо сейчас. Не будет преувеличением сказать, что и русская армия, и болгарское население обманулись в своих ожиданиях. В обоих случаях ожидания носили «черно-белый» характер («болгары хорошие, турки плохие» и «русские не любят турок, русские любят болгар»). Реальность оказалась намного сложнее. Оба субъекта взаимодействия по сути ничего не знали о реаль-

ном Другом. Русская армия слабо ориентировалась в сложнейшем этническом составе региона и тех, веками складывавшихся, отношениях между болгарским и турецким населением. На разных территориях проживания болгар к туркам было разное отношение, вплоть до того, что русские войска и турки отождествлялись — и те и другие «хорошо», и те и другие — иногда грабят (Немирович-Данченко 1878, II: 240). Многие болгары наивно полагали, что русская армия самим фактом своего прибытия в конкретное село устанавливает там власть болгар и будет во всем учитывать их мнение и сходу разберется, кто из местных турок плохой, а кто хороший. Все нарастающее разочарование и армии и местного населения транслируется как со стороны «штабных» журналистов, так и «боевых». Это же прослеживается и по воспоминаниям самих болгар. Так, например, учитель Димитр Душанов вспоминает, как его грубо обругал граф Роникер, комендант города Казанлык, когда Душанов пришел просить заступиться за местных турок, которые подверглись насилию со стороны болгар и русских солдат. Граф кричал что «Не вы ли стонали от турок и так, что в такую даль заставили ехать сюда и нас» (Русско-турецкая война... 2017: 185). В. В. Крестовский с разочарованием описывал тот хаос, который воцарился после начала войны в болгарских районах, где шла непрерывная малая война между христианским и мусульманским населением. Причем кто был пострадавшей стороной установить невозможно, потому что «если попадетсЯ христианам где-нибудь в стороне от большой дороги деревня турецкая, то ее также ожидает участь пожара и разгрома в отместку за истребление христианских селений» (Крестовский 1878: 52). Такое же разочарование описывал и В. И. Немирович-Данченко: «В прошлом письме я сообщал вам о зверствах, совершенных турками над болгарами. В этом я должен упомянуть о недостойном поведении болгар, обирающих теперь турок в свою очередь. Братушки положительно занялись дневным грабежом» (Немирович-Данченко 1878, II: 217). Степень диссонанса показывает следующая цитата: «Болгарами были раздражены все» (Немирович-Данченко 1878, II: 241). При этом православный этический топос деформировавшийся, остается работоспособным в плане объяснения и оправдания собственных действий. Видоизменяется и его дискурсивное наполнение.

Вторая трансформация этического топоса войны началась на стадии *post bellum*, когда, с одной стороны, военные корреспонденты активно включились в формирование содержания политики памяти прошедшей войны, а с другой — армия занялась систематизацией и рефлексией индивидуального и коллективного опыта войны. И то и другое выразилось в публикацию воспоминаний. В них топос получил свое завершение в виде формулы «мы не зря начали эту войну». При этом в послевоенном этическом топосе появляются новые сферы применения — появляются книги для детей о прошедшей войне, юмористические зарисовки о военных событиях и т. д. Так В. В. Крестовский в 1893 году публикует

«Рассказ о том, как мы с Соломоном Соломоновичем ездили из Чаушки-Махалы в Горный Студень» (Крестовский 1893), в котором иронизирует над наиболее острыми для общественного мнения приметами той войны — засильем еврейских купцов в деле снабжения армии, разочарованием в итогах войны для России и т. д. Факты изменить невозможно, но в рамках целенаправленной политики памяти можно придать фактам новое, например ироничное и даже комичное, звучание.

Дискурс возмездия и полемодицея

Реализация топоса на практике порождает дискурс — определенный текст (устный или письменный), порожденный под влиянием различных жизненных, социокультурных, психологических и других факторов. Это текст в событийном аспекте. На войне «событийность» предельно интенсивно влияет на дискурс — от войны не спрячешься, не поставишь ее на паузу, не сможешь ее игнорировать. При этом важность порождаемого войной дискурса для его носителей также возрастает. Личный опыт войны необратимо меняет человека, его понимание своего места в мире и отношение к другим людям, особенно к тем, кто подобного опыта не имеет.

Через дискурс излагается повседневный опыт войны. Но делать это можно по-разному. По сути, только сейчас, когда стали широко распространены медиа-технологии, позволяющие транслировать практически любую информацию предельно широкой аудитории, до гражданского человека может дойти ничем не прикрытая правда войны. Весь ужас войны может быть обрушен на потребителя информации, которому именно это и нужно — почувствовать себя на войне, не будучи на войне. Одновременно с запросом потребителя существует и желание участников войн сделать остальных сопричастными пережитому на войне. По нашему мнению, корни этих явлений лежат в XIX веке, когда в обществах Модерна окончательно сформировалось индустриальное мироотношение, которое в данном контексте предполагает средства массовой коммуникации как основной источник «истинного» взгляда на мир.

XIX век, особенно вторая его половина, знаменуется бурным развитием отечественной периодической печати и журналистики. С одной стороны, уже с начала века периодические издания, в основном журналы, прочно вошли в повседневных обиход. С другой стороны до опубликования в 1865 году Указа императора Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», а также утвержденного императором мнения Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» (в научной литературе за этими юридическими актами закрепилось название «Временные правила о печати») издательское дело в Рос-

сии находилось под жестким контролем предварительной цензуры. После этого цензура стала карательной, то есть реакция властей следовала уже после публикации. Это создавало принципиально иную ситуацию, когда «информационный выстрел» в общественное сознание мог быть сделан, а его последствия никак не компенсировались ответственностью издателя или журналиста. Тем более изощренная политика должна была вестись государством в отношении СМИ.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала первым в нашей истории конфликтом, который освещали специальные военные журналисты. И пусть русские военные репортеры жаловались, что в европейских газетах военная журналистика уже поставлена профессионально, отечественные газеты исправно транслировали на общественность повседневный опыт войны.

Безусловно, все русские военные журналисты руководствовались в своей деятельности определенными мотивами, которые могут быть рационально объяснены. Патриотизм и карьеризм, авантюризм и чувство долга в различных пропорциях присутствовали у всех, кто освещал войну в печати. Но не все тексты укладываются в эти рамки. В репортажах с полей Русско-турецкой войны часто прорываются попытки этической рационализации происходящего. Попытки придать войне некий высший, этический смысл, который не очевиден для первого взгляда, от чего сознание обычного человека отказывается воспринимать и принимать происходящий вокруг ужас. Попробуем выделить некоторые аспекты этой этической рационализации.

Один из наиболее часто встречающихся мотивов — оправдание жестокости жестокостью. Здесь мы сталкиваемся с возрождением древнего этического принципа «око за око», который обладает достаточной объяснительной силой для оправдания жестокости войны. У СМИ в использовании этого «орудия» есть особые возможности. Довоенная публикация в периодической печати может сформировать у читателя «податливость» сознания, чтобы в перспективе оно более легко воспринимало оправдание жестокости, совершаемой уже в ходе войны. Приведем показательный пример. В. И. Немирович-Данченко передает свой разговор с одним из раненых русских солдат. Тот говорит следующее: «Наш солдат, батюшка, не тот что прежде. Он и газеты читает и кой о чем маракует... Почему они так беспощадны? Потому что все зверства турок им оказываются известными. В прошлом году они отлично узнавали все, что сообщалось по этому предмету в наших газетах...» (Немирович-Данченко 1878, I: 8). После такой предварительной идеологической «накачки» солдаты были готовы на ответную жестокость в отношении тех, кого считали виновными в несправедливости по отношению к мирному болгарскому населению. При этом оправдание жестокости жестокостью лежит глубже обычной конфессиональной солидарности, которая, казалось бы, должна было быть этическим фундаментом русского право-

славного воина. «И несколько штыков прикалывают христианина, ратующего за торжество варварства и ислама» (Немирович-Данченко 1878, I: 8). Это объясняется тем, что подобный «христианин» является отступником, чем совершает еще более тяжкое преступление, чем иноверец.

Объяснительная сила данного принципа действует не только в «глубину», апеллируя к самым древним этическим представлениям, но и в «ширину». Для европейской армии, а именно таковой считают русскую армию отечественные военачальники и, вслед за ними, военные журналисты, вполне допустимо в качестве мести за реальные или выдуманные преступления распространить военные действия на мирное население. Более того, спланировать и организовать это еще до начала боевых действий. Встречаем показательный фрагмент у В. В. Крестовского: «“Гулевые” (Отдельная кавалерийская дивизия из казаков и кавказских горцев — прим. А. Лунькова) между прочим должны являться грозными мстителями за каждое новое зверство над христианами и быть надежной опорой этих последних. В этом отношении назначение их будет исполнено блистательным образом, если они достигнут того, что противник — и при том не тот лишь, что входит в состав регулярной армии, а и тот, который составляет местное мусульманское население — проникнется полным убеждением, что ни одно его зверство, ни одни возмутительный поступок над безоружною райей (Преимущественно немусульманское население Османской империи с низким социальным статусом — прим. А. Лунькова) не пройдет ему впредь безнаказанно» (Крестовский 1879, I: 26).

Есть все основания полагать, что подобный дискурс возмездия является своего рода защитным механизмом для общественного и индивидуального сознания во время войны. Человеку очень важно быть уверенным, что он творит не зло само по себе, а зло в качестве справедливого ответа, воздаяния врагу за ранее совершенное зло. Тем более что, начиная с Отцов Церкви, христианская традиция вполне приемлет военное насилие в качестве справедливого ответа на агрессию. Тем самым в обществе формируется представление о вынужденном вступлении в войну. При этом подобный мотив настолько распространен, что мы можем встретить практически одинаково сформулированные оправдания того, почему той или иной стране «пришлось» вступить в войну (даже если сам автор оправданий является представителем страны-агрессора, в этом случае речь обычно идет о превентивном ударе по потенциальному «агрессору»).

Однако дискурс возмездия очень опасен как инструмент формирования общественного мнения. Особенно это было характерно для XIX — начала XX вв., когда средства массовой коммуникации только начали обретать свою силу. В. И. Немирович-Данченко пишет, что после того как русские газеты «набросились на болгар» мнение армии о них стало меняться на негативное. На читателя обрушивались уже описания ужас-

ных преступлений (уже не важно, реальных или выдуманных), совершенных болгарами против мирного турецкого населения. Эти описания почти всегда записаны с чьих-то слов и с каждым новым этапом передачи обрастают новыми подробностями и изменяются до неузнаваемости. Как раз сочетание эффектов преувеличения и искажения информации замыкает положительную обратную связь в системе «фронт-тыл-общество». Теперь уже солдаты на театре военных действий оказываются объектами трансляции информации из тыла и приобщаются к дискурсу возмездия. Тем самым маховик военного насилия раскручивается с новой силой.

В дальнейшем, уже после войны, старательно собранная военными журналистами «правда о войне» становится составной частью мифа о прошедшей войне. Этот миф может использоваться по-разному: для подпитывания реваншизма, для апологетики военных деятелей, для воспитания националистических чувств и т. д. В любом случае, однажды появившись, дискурс возмездия уже никуда не пропадает из нарратива конкретной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Кочуков Сергей. «К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в русско-турецкой войне 1877–1878 годов». *Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения* 11. Вып. 2, ч. 2 (2011): 64–72
- Крестовский Всеволод. *Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878)*. Изд. 2-е. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879.
- Крестовский Всеволод. *Набег генерала Струкова*. Санкт-Петербург: Типография министерства внутренних дел, 1878.
- Крестовский Всеволод. *Рассказ о том, как мы с Соломоном Соломоновичем ездил из Чаушки-Махалы в Горный Студень*. Варшава: Губернская типография, 1893.
- Немирович-Данченко Василий. *Год войны (Дневник русского корреспондента) 1877–1878*. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Лихачева и А. Суворина, 1878.
- Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. Сборник воспоминаний*. Москва: Яуза-пресс, 2017.
- Сочинения Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического*. Изд. 2-е, Т. III. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1908.
- Хазагеров Георгий. «Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры». *Известия Южного федерального университета. Филологические науки* 3 (2008): 6–26.

LITERATURE

- Kochukov Sergej. «K voprosu formirovaniya korpusa voennykh korrespondentov v russko-tureckoj vojne 1877–1878 godov». *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* 11. Vyp. 2, ch. 2 (2011): 64–72
- Krestovskij Vladislav. *Dvadcat' mesyacev v dejstvuyushchej armii (1877–1878)*. Izd. 2-e. V 2 t. T. 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1879.
- Krestovskij Vladislav. *Nabeg generala Strukova*. Sankt-Peterburg: Tipografiya ministerstva vnutrennih del, 1878.
- Krestovskij Vladislav. *Rasskaz o tom, kak my s Solomonom Solomonovichem ezdili iz Chaushki-Mahaly v Gornyj Studen'*. Varshava: Gubernskaya tipografiya, 1893.

- Nemirovich-Danchenko Vasilij. *God vojny (Dnevnik ruskogo korrespondenta) 1877–1878*. V 2 t. T. 1. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Lihacheva i A. Suvorina, 1878.
- Russko-tureckaya vojna: russkij i bolgarskij vzglyad. Sbornik vospominanij*. Moskva: Yauzpress, 2017.
- Sochineniya Innokentiya, Arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo*. Izd. 2-e, T. III. Sankt-Peterburg: Izdanie knigoprodavca I. L. Tuzova, 1908.
- Hazagerov Georgij. «Topos vs. koncept: k izucheniyu toposfery kul'tury». *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* 3 (2008): 6–26.

Александр Луњков

ПРАВОСЛАВНИ ЕТОС РУСКО-ТУРСКОГ РАТА 1877–1878:
ТОПОЛОШКА И ДИСКУРСИВНА АНАЛИЗА

Резиме

Православни војни етос из времена Руско-турског рата 1877–1878. године стваран је на основу специфичног топоса као начина оправдавања војних догађања и сопствених поступака кроз праксу рађања усменог и писаног текста. Основни елемент овог топоса било је православље. Због тога су се све стратегије оправдавања сводиле на тезу „тако смо поступили, јер смо православци“, што је даље повезано с употребом концепта „христољубиве војске“. Дати топос остао је непромењен приликом две трансформације информационог ратног простора. Један од најчешће коришћених дискурзивних садржаја овог топоса био је дискурс одмазде. Према њему су почетак рата и сви поступци руске војске заправо оправдана одмазда за претрпљено насиље. Притом, насиље није било усмерено само на Турке (војска и цивилно становништво), већ и на Бугаре, који су, према руском схватању, угрожавали поредак.

Кључне речи: Православни етос рата, Руско-турски рат 1877–1878, топос, дискурс, војно новинарство.